

ЕЛЕНА НЕВЗОРОВА-КМЕЧ

ЛОДЗИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ЛОДЬ

elena.nevzorova@uni.lodz.pl

ДИАЛЕКТИЗМЫ В СУБСТАНДАРТНЫХ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Ключевые слова: диалект, социолект, субстандарт, фразеологизм

Keywords: dialect, sociolect, substandard, phraseological unit

Настоящая статья затрагивает вопросы, которые находятся на стыке исследований лексики и фразеологии с позиций диалектологии и социолингвистики с применением синхронно-диахронического подхода.

I. Терминологические вопросы

1. Основными для рассмотрения являются термины русские *диалект*, *субстандарт* и польские *dialekt* и *substandard*. Термин *диалект* в российском языкознании имеет устоявшуюся трактовку, а именно: под *диалектом* понимается разновидность национального языка, бытующее на определенной территории, которое имеет особые (в сравнении с литературным языком) фонетические, лексические, грамматические особенности. В польском языкознании используется для этой трактовки термин *regionalizm*. Он применяется для обозначения фонетических, грамматических, лексических особенностей языка жителей определенного города (Wronicz 2016: 54). Но, как указывает Халина Карась, между *regionalizm*'ами и *dialektyzm*'ами в настоящее время нет четкой границы (Karaś 2010: 1).

С развитием социолингвистики в научный обиход входит термин *социальный диалект* (*социолект*), который определяется как разновидность речи какой-либо социальной группировки. Он является частью более общего термина *диалект* – разновидность (вариант) данного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных территориальной, профессиональной или социальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте (Потежня 2009: 468–469). При широ-

ком понимании термина в него включаются все так или иначе обусловленные формы языка независимо от их структурно-языковых и функциональных особенностей.

В узком понимании (более распространенном в лингвистических исследованиях) социолекты – это языки (или, точнее, подязыки) определенных социальных групп, отличающиеся от общенародного языка преимущественно лексикой, фразеологией и семантикой языковых единиц (Потебня 2009: 469).

В польском языкознании расширение диалектологии за счет социолингвистических исследований привело к появлению конкретизирующих определений у терминов *gwara* и *dialekt*: *gwara ludowa*, *gwara miejska*, *gwara środowiskowa* и т.д. Такое широкое понимание диалектологии не прижилось. Все подобные явления предложено трактовать в рамках социолингвистики. Расширение терминологического аппарата происходит в результате дискуссий на тему классификации вариантов польского языка (Klemensiewicz 1953; Skubalanka 1976; Urbańczyk 1979; Furdal 1973; Dejna 1980; Gajda 1982 и др.). Обобщая исследования, ученый Александр Вильконь (Wilkoń 2000) анализирует предлагаемые учеными термины, среди которых и термин *socjolekt*. В польском языкознании он имеет широкую и узкую трактовку. Несмотря на более частое использование последней А. Вильконь считает, что широкое понимание более уместно (Wilkoń 2000: 87–88, 94–99).

Границы между территориальными диалектами и социолектами зыбкие, но мы попытаемся разграничивать эти понятия в настоящей работе.

2. Термин *субстандарт* вошел в активный научный обиход русистов в начале 90-х гг. XX в. (см. Кёстер-Тома 1993; Кудинова 2010). Объем его понятия варьируется у разных исследователей, например: 1. *диалект, язык фольклора* (Кёстер-Тома 1993¹); 2. *частные диалекты, жаргоны и социолекты, жаргонное просторечие, интержаргон (общий жаргон), просторечно-деловая речь, грубое и вульгарное сквернословие (обценная речь)* (Химик 2004); 3. *территориальные и социальные диалекты, нелитературное просторечие, обиходно-разговорная речь, языки-пиджины* и др. (Бондалетов 2002); 4. *диалект, просторечие, общий жаргон, интержаргон, сленг* (Земская, Розина 1994; Вахитов 2001; Кудинова 2010; Калугина 2013); 5. *просторечие (в том числе функционально-стилистическое) и жаргоны* (Осипов 2003); 6. *профессиональный язык, групповой или корпоративный жаргон, сленг социальных группировок, тайный (условный) язык или арг* (которые также являются

¹ Зоя Кёстер-Тома к *субстандарту* относит диалект и язык фольклора, а к *нонстандарту* – просторечие, жаргон, сленг, мат и т.п., *разговорный язык*, по ее мнению, *занимает промежуточное положение между стандартом и субстандартом* (Кёстер-Тома 1993: 17).

составляющими понятия социолект), а также *бранная* и *обценная лексика и фразеология* (Вальтер, Мокиенко 2004; Мокиенко 2003; Бирих 2009). Последнее понимание характерно также для Владимира Борисовича Быкова, Михаила Александровича Грачева, Владимира Станиславовича Елистратова и др.

В полонистике термин *substandard* не укоренился и используется редко, напр., Антонина Грибосева понимает под ним переходное языковое явление между деревенским и городским диалектами (*standard wiejski* (или *interdialekt*), *standard miejski* (или *dialekt miejski*) (Grybosiewa 1999). Также оно рассматривается как переходное явление между *говором* (*gwara*) и общим польским языком (*polszczyzna ogólna*), и может называться: *odmiana mieszana*, *substandart wiejski*, *intergwara*, *interdialekt*, *regiolekt* и др. (Wyderka 2014). Густав Акартель его заменяет термином *podstandard językowy*, который является синонимичным к *socjolekt*'ам, включающим в себя *żargon*, *slang*, *argot*, *język pospolity* (Akartel 2011: 288). Мы к *субстандарту* относим *жаргон* (*арго*), *сленг*, *жаргонно-разговорную речь*, *сквернословие с бранной (матерной) лексикой и фразеологией*. Однако в данной работе сосредоточимся на жаргонном материале, составляющем ядро субстандарта, а определения *жаргон* (*жаргонный*) и *субстандарт* (*субстандартный*) будем считать синонимами с разным объемом значения. Использование в заглавии термина *субстандарт*, а не *жаргон*, как представляется, лучше отражает синхронно-диахронический или диахронно-синхронный характер рассматриваемого явления. Выбор в пользу *субстандарта*, а не *социолекта* обусловлен частотностью использования производных от него прилагательных в сочетании с такими терминами, как *лексика* и *фразеология*.

II. Изучение заимствований диалектизмов в субстандарте

Исследования заимствований в субстандарте имеет более чем столетнюю историю. В их основе лежат такие элементы, как: единицы литературного языка; просторечные слова и фразеологизмы; территориальные диалектизмы; слова других социальных диалектов; иноязычные лексемы; другие арготизмы (Грачев, Мокиенко 2008: 4–5). Описание заимствований из территориальных диалектов в литературе по субстандарту не получило широкого освещения, несмотря на то, что до середины XX века их количество в аргот составляло 76% (Грачев 2003: 13). Основные достижения в этой области принадлежат Ивану Александровичу Бодуэну де Куртене, Борису Александровичу Ларину, Василию Даниловичу Бондалетову, Михаилу Александровичу Грачеву, Валерию Михайловичу Мокиенко, Евгению Степановичу Отину, Олексу Горбачу, Марине Николаевне Приемышевой и др. Главная трудность,

на которую обращают внимание ученые при описании данного явления, – это характер словника словарей территориальных диалектов. Составители *не указывают на происхождение ряда областных слов, на степень их распространенности, порой за диалектизмы принимаются арготизмы...* (Грачев 2003: 13) и наоборот. Так, В.Д. Бондалетов, М.Н. Приемышева сопоставляют условные языки с территориальными диалектами. В.Д. Бондалетов в труде *Арготизмы в словарях русского языка* (1987) анализирует *Сравнительный словарь* Петра Симона Палласа, *Толковый словарь великорусского языка* Владимира Ивановича Даля, а также словари додалевского и последалевского периода, *Словарь русских народных говоров*, и предпринимает попытку „освободить” диалектные словари от арготизмов, или, по крайней мере, внести в них соответствующие пометы. Одним из источников, из которого легче всего и почти безошибочно выбрать арготическую лексику, являлся словарь В.И. Даля, поскольку лексикограф оставил в рукописях *Словарь офенского языка*, *Словарь русско-офенский*, *Словарь языка шерстобитов*, *Условный язык петербургских мошенников*. Из словарей последалевского периода В.Д. Бондалетов особо отмечает *Смоленский областной словарь* Владимира Николаевича Добровольского (1914), в котором используется помета *усл.*, а также *Словарь областного олонецкого наречия* Германа Илларионовича Куликовского. Проведя анализ лексикографических работ, В.Д. Бондалетов делает вывод о необходимости точнейшего определения изоглос для определения статуса лексико-фразеологической единицы (Бондалетов 1987: 36). Ученый отмечает, что:

в зонах распространения арго, как правило, данное слово входит в систему местного арго и не встречается в составе местного территориального диалекта. Носители арго в „условную” речь включают чаще всего слова „чужих” диалектов: местные слова знакомы неарготирующим и для выполнения конспиративной функции не годятся (Бондалетов 1987: 45).

Естественно и обратное движение, т.е. переход из арго в территориальные диалекты. Подтверждается это исследованиями М.А. Грачева, В.М. Мокиенко, М.Н. Приемышевой, М.Т. Дьячка (Грачев 2003; Грачев, Мокиенко 2008; Приемышева 2009; Дьячок 2000).

Этимология польского субстандарта представлена в работах Кароля Эстрайхера, Яна Лося, Генриха Улашина, Бронислава Вечоркевича, Дануты Будзишевской, Станислава Кани и др. Ученые прежде всего сосредотачиваются на заимствованиях из иностранных языков, внутренних заимствованиях – из литературного языка и других социолектов. Несмотря на долгую и богатую традицию исследований в области территориальных диалектов, систематизированное изучение заимствований единиц диалектов в польском субстандарте не представлено.

Лакунарной областью в исследованиях остаются заимствования субстандартных единиц из диалектов иных языков, а также заимствования из иностранных языков в территориальные диалекты. Также изучение субстандартной фразеологии с точки зрения диалектных заимствований не нашло на сегодняшний день полного отражения.

III. Анализ субстандартных ФЕ с точки зрения их связи с диалектизмами

При этимологизировании, по мнению В.М. Мокиенко, необходимо уделять внимание жаргонным фразеологическим моделям, которые имеют переключку с диалектными, литературными выражениями своего и иных языков (примеры см. в: Мокиенко 1994: 68–69) – с целью определения источника иррадиации и установления диахронической последовательности. Фразеологическая модель характерна для ФЕ *зашибать/заколачивать/сшибать бабки* ‘жрр. халтурить’, *подбивать бабки* ‘жрр. подводить итоги, суммировать, что-л. заключать’, *шабашку сшибать* (пск.), *сбить хоря* (сиб.), *калым сбить* (сиб.) ‘легко заработать’, *зашибать деньгу/копейку* ‘лит.-разг. зарабатывать деньги’ (Грачев, Мокиенко 2008: 44–45). Диалектный элемент, при использовании данного метода, выявляется учеными в ФЕ *вкручивать/вкрутить* (*вколачивать/вколотить, заколачивать*), *забивать баки* ‘1. угол. отвлекать чье-л. внимание разговором; 2. угол., жрр. лгать, вводить в заблуждение кого-л.’, *заливать/залить, баки кому-л.* ‘обманывать, обмануть’, где *баки* ‘диал. – ворон. пск. глаза’ (Мокиенко, Никитина 2000: 45; Грачев, Мокиенко 2008: 46–47). Образ жаргонной ФЕ – это ‘заклеить, закрыть глаза кому-л. на неправду’. *Баки* появляются и в омонимичных выражениях, однако не имеют отношения к ‘глазам’: 1. *забить баки* ‘угол. продавать наручные часы’, 2. *забить баки* ‘комп. мол. удалять файлы *bak (backup)*’. Ученые также приводят соответствия с украинским и белорусским языком. Упоминают польское *bęki*, приводя значение ‘шарики, кругляшки’, ‘маленькие глаза’ (Грачев, Мокиенко 2008: 47). В таком значении она отмечена лишь у Александра Брюкнера: *baczyć* (цит. *baczyć*, od **baki*, ‘oka’, jak patrzeć od patry <...>) и у Витольда Дорошевского: *baka* ‘tylko w wyrażeniu schlebiać, nadskakiwać komuś <...> <może ukr. baky = oczy>’.

Не выяснена этимология ФЕ *бузу тереть* ‘1. продолжать целый день собраний; 2. участвовать в скандале, 3. спорить’ из-за неопределенности происхождения слова *буза*. М.А. Грачев и В.М. Мокиенко приводят 2 версии: 1. офен. ‘пить вино’, *бус, бусой* ‘пьяница’; 2. общенар. или диал. ‘сусло, молодое пиво или брага <...>’, ‘яблочный или грушевый квас’. В эти системы это слово вошло из тюркских языков. *Возможен и вариант взаимодействия*

этих систем (Грачев, Мокиенко 2008: 70). В польском языке также есть данная единица. Из тюркских через восточнославянские языки она попала в него со значением ‘напиток из проса или кукурузы’ (SEBr: 51). Восточнославянское посредничество отмечено и Максом Фасмером. Второе же значение *buzza*, которое приводит А. Брюкнер – это ‘*nagana buzować, wy- lub zbuzować, w 17 w., z włos. far buzzo ‘gniewać się na kogo’*’ (SEBr: 51). У М. Фасмера:

бузандать ‘жужжать (о мухе, шмеле)’, олонек. (Кулик.). Вероятно, звукоподражательное; ср. бзык ‘овод; беспокойное состояние скота’ и др., а также бузнуть ‘ударить с силой’, воронежск. неясное слово. Буздыхан 1. ‘жезл, палица, усаженная острыми шипами’, 2. ‘палка общинного старосты’, стар.; укр. буздиган. Заимств. из тур. bozdoğan ‘дубинка, палица’, чагат. buzduğan, buzduğan – то же.

Представляется, что последние из приведенных значений, образно связанных с ударом, избиением, ближе к значению ‘ссориться’. С другой стороны, в составе ФЕ имеется второй глагольный компонент *тереть* (определяющий семантику), который в субстандарте означает ‘1. угол. избивать кого-л., 2. крим. мол. обсуждать’; *перетереть* ‘бизн. крим. мол. обсудить какой-л. вопрос’ (ср. образованные от *тереть* – *терки* ‘мол. напряженные отношения с кем-л.’, *терка* ‘мол. дискуссия переговоры, совещание’). ‘Разговорная’ и ‘ударная’ метафора подтверждается ФЕ, в том числе и диалектными выражениями:

Тереть волюнку 1. *Забайк. Неодобр.* То же, что *тянуть волюнку*. 2. *Сиб.* Лгать, обманывать с какой-л. целью. *Давать/дать тёрку кому.* *Сиб.* 1. Наказывать кого-л. 2. Заставлять кого-л. быть осмотрительным, благоразумным, опытным (Мокиенко, Никитина 2007: 99).

Диалектизмом является и слово *каюк*, в ФЕ *каюк пришел* ‘о чьей-то гибели, смерти’. Оно попало в южнорусские диалекты из тюркских языков (тюрк. ‘лодка’) (*калуж. тут ему и пришел каюк; ярос. Каюк ему пришел; брян. Тут и пришел ему каюк; ворон. тут йиму и каюк; орл. Каюк яму таперя; смол. Етаму делу каюк* (Грачев, Мокиенко 2008: 126), а затем в речь казаков и преступников и приобрело переносное значение ‘смерть’ (Грачев, Мокиенко 2008: 126).

С диалектными единицами: *халява, холява, халявка* – *бран. обл.* ‘*неряха, растрепан, неопрятный*’, ‘*вялый сонный, ленивый и дряной*’; ‘*непотребная женщина*’; *олон. халява ‘задорная женщина*’; *симб. ‘озорница, ругательница*’ (Грачев, Мокиенко 2008: 268) – пересекаются и жаргонные *старая халява* ‘немолодая некрасивая женщина’, *чертова халява* ‘о крайне наглom, нахальном человеке’.

Как указывает Михаил Тимофеевич Дьячок, заимствования из территориальных диалектов в субстандарт (а прежде всего в преступный жаргон) происходят достаточно активно. Среди приведенных примеров можно отметить: *кукла денежная* ‘пачка бумаги, нарезанная по формату денег, сверху и снизу которой находятся настоящие купюры’ – рус. диал. *кукла* ‘север., запад. и сибир. пучок, прядь мягого или трепаного льна; горсть льна, предназначенного для трепания’; *без базара* – *базара/ базару нет* ‘без проблем; все будет сделано’ – от *базарить* ‘затягивать беседу, кричать, разговаривать, учинять умышленный скандал’ – рус. диал. (север. и запад.) *базарить* ‘громко разговаривать, кричать, шуметь, браниться’; *нести баланду* ‘говорить ерунду, нести чепуху’, *мутить баланду* ‘неодобр. вводить в заблуждение, обманывать’, *разводить баланду* ‘неодобр. 1. говорить вздор, чепуху, 2. лгать’; *травить баланду* ‘1. вести пустые разговоры, отвлекая внимание жертвы, 2. вести беспредметный разговор, 3. распространять ложные слухи, сплетни, 4) лгать, обманывать’ – из диал. *баланда* ‘ботвинья, холодец из заквашенного на луке отвара свекольной и иной ботвы с окрошкой’ через уголовный жаргон (Мокиенко, Никитина 2000); *потушить бебики* ‘угол. выколоть глаза’ – *бебики* диал. и от белор. *бібік* ‘шарик’; *с бзиком* ‘жрр. о странном, чудаковатом человеке’ – *бзик* от укр., польск., русск. диал. ‘овод, кусающий животных и людей и вызывающий их сумасшествие’; *распускать ботало* ‘жрр., угол. разглашать тайну’ – *ботало* ‘диал. колокольчик на шее у коров’; *закрыть варежку* ‘жрр. замолчать’, *открыть/ раскрыть варежку* ‘начать говорить’ – *варежка* из праслав. *varga* в диал. ‘рот; губы’; *сучий куток* ‘арест. одиночная камера, куда помещают заключенных-осведомителей, чтобы уберечь от расправы сокамерников’ – *куток* в диал. ‘угол’; *поддать леца* ‘угол. ударить’ – *лещ* от диал. *лескнуть* ‘ударить’; *призет снять* ‘угол. заметить, приметить что-л.’ – *призет* от диал. *призетить* ‘заметить’; *талан на майдан* ‘угол. арест. приветствие играющих в любую азартную игру’ – от диал. *талан* ‘грабёж’ и перс.-тур. *meidan* ‘площадь, поле, арена, ристалище’; *хмырь болотный (зеленый)* ‘1. угол. о неуважаемом, угрюмом или подозрительном человеке; 2. мол. нарк. об опустившемся алкоголике, наркомане’ – от диал. *хмырить* ‘горевать, плакать’ (прим. в русск. мифологии *хмырь* ‘дух болота’ (ср. названия нечистой силы для обозначения отрицательных явлений жаргон заимствует из территориальных диалектов: *скес* – влад. и шуйск. ‘черт’, офен., угол. ‘1. жадный человек; 2. трус’, нарк. *скес муло* ‘жадный человек’ (Грачев 2005: 173)); *поднять на шарап* ‘взять грудью, приступом’ из новг. ‘разбить, расхватать’ (Грачев 2005: 228). Указанные единицы отмечаются в общеуголовном жаргоне, молодежной и жаргонно-разговорной речи. Можно также отметить территориальные арготизмы (П.П. Ильин), которые позднее стали называться региональными жаргонизмами/ сленгизмами (см. подробнее Григорович 2015). К ним также причисляют единицы из жаргонизированной, экспрес-

сивно окрашенной лексики и фразеологии, которые используются жителями определенной местности (см. Грачев 2005: 54–55), *с первой линии* (в г. Омск ул. Куйбышева, на которой находится психиатрическая больница. После этой улицы находится вторая линия, а первой линии нет) ‘дурак, сумасшедший’; *дунька с Бахаревки* (Пермский край) ‘дурочка, ненормальная девушка, простушка’ (от названия деревни Бахаревка в Смоленской обл.). Региональный жаргон имеет тесную связь с территориальными диалектами, напр., *попасть в переплет* ‘оказаться в трудном положении’, где *переплет*, согласно мнению некоторых лингвистов (см. БМС: 524), *в языке рыбаков Обско-Енисейского бассейна значит „поперечные прутья или дранка, скрепляющая остов рыбозаградительной стенки” [...]. В других диалектах, например в архангельских, переплет значит „плетень из из хвороста, от берега в глубь реки, для постановки мережи на залов семги”;* *съездить обыденкой* (Иркутск) ‘приехать в гости ненадолго, на один день’ – ср. в (на) *обыдёнку* – ‘яросл. в один день, за один день, на один день, в течение одного дня’, *на обыденках* – ‘влад. то же, что *на обыдёнку*’ (Мокиенко, Никитина 2007). В настоящее время территориально-диалектная окраска региональных вариантов русского жаргона проявляется в незначительной степени.

Обращаясь к польскому субстандарту, можно отметить те же тенденции, что и в русском, а именно: 1. заимствование компонентов или целых ФЕ из территориальных диалектов; 2. заимствование из территориальных диалектов через посредство регионализмов и городского просторечия; 3. заимствование из иностранных языков (диалектов) через посредство территориальных диалектов; 4. при помощи диалектной трансформации жаргонного выражения, в котором один из компонентов является: а) общепольской пересмысленной единицей, б) заимствованием из других языков или диалектов. Возможна и комбинация этих типов. Примеры:

Baška pracuje ‘угол., учен., варш. прост., разг. соображать’ – *baška* адаптированное русск. *башка* ‘арг., разг. голова’ через украинское посредство, в русской жаргонно-разговорной речи из тюркских языков через сибирские диалекты (Stachowski 2018) (ср. также русск. фразеол. *башка варит, голова работает* ‘соображать’). (3²)

Być na fleku ‘разг. быть пьяным’, *być pod flekiem* ‘угол. быть пьяным’ сравнимы с поморск. диал. и по структуре и по значению, и лишь по структуре с великоп. диал. *być na fleku* ‘быть полным сил’, которое соответствует нем. разг. *auf dem Fleck sein*. С нем. разг. *eine Scheibe haben* совпадает также жаргонный и диалектный (великопол.) оборот *mieć szajbę* – ‘нарк. наркотическое опьянение’, ‘диал. быть сумасшедшим, вести себя ненормально’. (3)

² Цифра, приведенная в скобках, указывает на определенный тип заимствования, который отмечен в классификации заимствований польских субстандартных единиц, представленной в настоящей работе.

Cukier miniać ‘угол. быть голодным’ – *miniać* от диал. *minić/ mienić* ‘думать, у кого-л. на уме’, т.е. ‘досл. думать о сахаре’. (1, 2)

Dać cynk ‘угол. дать знать, передать сообщение’ – ср. с диал. *cynkać* ‘звонить’. (1, 2)

Do rychtu ‘угол. собираться на кражу’ – *rycht* ‘диал. цель’, а также диал. *rychtować* ‘подготавливать к работе, напр., какой-л. инструмент’ (SGP V: 77). (2)

Dostać meszty ‘великоп. жарг. быть избитым’. В приведенном обороте семантическое ядро *meszta* ‘1. угол. ботинок, обувь; 2. краков. львовск. прост. полуботинок’, которое вошло в польский из тюркских языков – *mest* ‘обувь без каблука, также накладки на обувь в виде калош’. (2, 3)

Idź w pyry ‘мол. иди подальше, иди куда хочешь’ – то же в велик. диал. (1)

Iść na skibę ‘угол. красть, совершать кражу’ – то же в великопол. диал. (1)

Faksy strugać ‘угол. ругаться’ – *faksy* ‘великопол., мазов., поморск. диал. искривленное выражение лица’ от нем. ‘то же’, диал. фразеол. *stroić faksy* ‘гримасничать’ (SGP II: 31). (2)

Frygle dawać ‘угол. быть битым’ – возможно от диал. *frygać* ‘бросать’ (SGP II: 30). (1)

Kant wsunąć ‘угол. убить; избить’ – *kant* ‘диал. зарубка, знак на дереве’ (SGP II: 302–303). (1, 2, 4)

Klap dziakować ‘угол. разбить разломать’ – от диал. *dziakać* ‘рубить, удалять раз за разом по одному месту острым предметом’. (4)

В воровском выражении *linkier ślip* ‘подставной свидетель’ *linkier* от *link* – из идиш ‘левый’, в диал. ‘пенис’, в воров. жаргоне ‘неправильный, поддельный, плохой’ (ср. *lewy, chujowy*). (3)

Mieć kołtunki ‘нарк. быть пьяным от наркотиков; находиться под воздействием наркотиков’ – *kołtunki* от *kołtun* ‘спутавшийся в пучок от грязи или педикулеза клочок волос’ и ‘перен. отсталый, темный, ограниченный человек’, а в диал. ‘человек с непричесанными, спутавшимися волосами’ (ср. прест. ‘1. человек из деревни, 2. жертва кражи, 3. судья, 4. заключенный деревенского происхождения’ (Stepniak 1993: 245)), которое в свою очередь из украинского (а в укр. из праслав.) (SEBor: 246). (2)

Na śniże stać ‘угол. стоять на страже, следить за приближением опасности и предупреждать о ней сообщников по краже’ (диал.-жарг. *śnira* ‘стража’) от *na szmirze stać, szmir trzymać/ szmir zabuwać* ‘угол. наблюдать, следить, предупреждать об опасности во время кражи’ из идиш *shmir halten* – досл. держать стражу, в котором *szmir* от др.-евр. *schomar* ‘стеречь’, *shumer* ‘сторож’. (3)

Nura dać ‘угол. 1. спрятаться под лавку, скамейку, 2. учен. убежать с урока’ – то же в диал. ‘убежать; спрятаться’ (SGP III: 339). (1, 4)

Piotra mieć ‘угол. бояться’ – то же значение у диал., варш. прост., жпр. *Petra mieć*, где *piotr* (*pietr, petr pietrek*) ‘разг. страх’, переосмысленное франц.

petrifier ‘пугать, доводить до состояния остолбенения от страха’ (см. MG II: 97). (ср. *baśka pracuje*). (1, 4)

Piskala mu gra ‘воров. ему везет, ему все удастся’ из диал. ‘то же значение’. (1)

Pójść w gary ‘угол. лечь в кровать, пойти бездельничать’ – великоп. диал. *iść na garę* ‘ложиться спать’, где *gara* ‘диал. сон’. (1, 4)

Powyręwać giry z tyłka (z dupy) ‘жпр.; позн. прост. угрожать кому-л. избиением’ – *giry* ‘диал.; угол. ноги’. (1, 4)

Robić w pory ‘разг. бояться, нервничать’, *srać/ walić w pory* ‘разг. трястись от страха’, *trząść porami ze strachu* ‘разг. о ком-л., кто не может скрыть боязнь, нервозность’ – *pory* от *portki* ‘великопол. и малопол. диал. штаны из белого домашнего сукна’ (также в других слав. языках и диал. из праслав.) (SEBoG: 465). (4)

Strugni jur ‘угол. обманщик, вун’ – *strugać*, возможно, от диал. *strukać* ‘кричать (о голосе журавля)’ или *strugać* ‘строгать’ и *jur* от львов. прост. *jurzyć* ‘врать, лгать’ или диал. *jura* ‘сказка’ (ср. русск. жпр. *рассказывать сказки* ‘обманывать, говорить неправду’). (3, 4)

W trymiga ‘угол., жпр. быстро’ – то же в сувальск. диал., от русск. *вмиг* ‘быстро’. (3, 4)

Wyśłać kogoś ciupasem ‘угол. и варш. прост. перевозить арестованного из одной тюрьмы в другую’ – *ciupas, szupas* из нем., сближенное с польским жаргонным *ciupa* ‘угол. отделение полиции; тюрьма’, которое, возможно, от диал. *ciupać* ‘сильно бить, избивать; колоть (до боли)’ (ср. пол. *ciupaga*). (3)

Zbić sarmak ‘угол. украсть деньги из кассы, совершить кражу в особо крупных размерах’, *sarmak kitrać* ‘угол. зарабатывать деньги’ – *sarmak* из русского угол. жаргона ‘деньги; кошелек с деньгами’ (ср. *sapa* ‘угол. деньги’), в котором из общетур. *sary* ‘желтый’ через диал. (курск., оренб., сиб.) *sapa* ‘деньги’. (3, 4)

Предпринятые попытки выявления диалектизмов нельзя считать завершенными. Сложность в выявлении диалектизмов в польском субстандарте заключается в том, что словари диалектизмов, регионализмов фиксируют лексику социолектов (субстандарта) и наоборот – словари субстандарта содержат диалектизмы. Таким образом затруднительным представляется провести четкую границу между названными языковыми явлениями. Используя опыт исследования В.Д. Бондалетова, можно сказать, что и в польском языке прослеживается картина перехода диалектизмов в жаргонизмы и жаргонизмов в диалектизмы (что заметно на примере фразеологизмов, отмеченных в лексикографической работе *Słownik gwary miejskiej Poznania* (Gruchmanowa, Walczak 1997), а также одновременное существование оборотов, которые, в зависимости от региона их употребления, имеют жаргонный или диалектный характер.

Прделанный анализ показал основные пути попадания единиц из территориальных диалектов в субстандарт, но точные выводы относительно этимологии субстандартных фразеологизмов можно сделать после более глубокого анализа большего по объему диалектного и субстандартного материала европейских языков. На фоне сопоставления такого материала можно проследить межъязыковые связи внутри субстандартных ареалов и начертить пути заимствования (Вальтер, Мокиенко 2004).

SUMMARY

DIALECTISMS IN SUBSTANDARD RUSSIAN AND POLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

This article broaches the questions that are at the turn of vocabulary and phraseology studies from the standpoint of dialectology and sociolinguistics using the synchronic and diachronic approach.

In the first and second parts, we discuss the terminological issues of territorial and social dialectology, based on the experience of scientists. The third part is devoted to the analysis of the history of research in the field of borrowing in Russian and Polish substandard. Next, we describe the main lexicographic works connected with dialect and substandard phraseology. In the last part of the article, an attempt is made to identify the main ways of borrowing from dialects by analyzing substandard Polish and Russian phraseological units selected from substandard dictionaries.